

ПЕВЕЦ БОРЬБЫ И ТРУДА

К 80-летию со дня рождения Наири Зарьяна

Хочу остаться я навек
с народом,
В грядущее его
сопровождать,
И, влившись каплей
в океана воды,
Иного счастья не искать,
не ждать.

Наири ЗАРЬЯН

Севан после грозы

Клубясь, редуют тучи. Небосвод
Уже налил светом алым.
Горы касаясь, облако плывет
Лениво, лебедем усталым.

Гляжу вокруг, от счастья захмелев,
Утесы подступаю ближе:
Вон тот — медведь, а по соседству — лев,
А там — спина косули рыжей.

Как передать мне эту красоту!
Запомнить как мгновенье это!
Мелькнет, как сон, исчезнет на лету
Игра густых теней и света...

Продлись же, волшебство! Помедли, явь!
Запечатлись в душе навеки,
Свой чудный отблеск в ней оставь —
Чтоб счастье жило в человеке.

СОНЕТ

Стремлюсь я в песне к простоте
И к мудрости стремлюсь земной —
Чтоб песня, как огонь ночной,
Пылала ярко в темноте.

Хочу я петь, — как дышит юг, —
Вокруг расписывая зной,
Чтоб, песню слушая, мой друг
И ликовал и пел со мной.

Такая песня снится мне,
Ее слагаю я во сне,
Волнуюсь и твержу всю ночь.
Но лишь рассвет мелькнет в окне,
Она, как птица, мчится прочь,
И без нее мне вновь невмочь.

Перевод Н. Горской.

Душа моя, все, как есть, отдадим
Нашим ближним,
Сильным и слабым, добрым и злым
Нашим ближним,
Только нашу любовь для себя сохраним,
Как в лампаде масло,
Чтобы светлей и теплей было им,
Нашим ближним.

Перевод М. Петровых.

УТРО

Сегодня рассвет голубой-голубой
На мирных полях и в сердце моем.
Минувшая ночь увела за собой
Тяжелые тучи с холодным дождем.

На небе светло, и на сердце легко,
И только за далью зеленых полей
Два облака бледных плывут высоко,
Как тени вчерашней печали моей.

Перевод Д. Орловской.

ПО СВОЕЙ натуре и характеру писателя Наири Зарьян был человеком активным, даже острым. Его постоянно занимала мысль «о месте поэта в рабочем строю». Ему даже казалось, что классики несовременны. Отдавая должное гению Фирдоуси, он вместе с тем писал:

Не слушай древности, не тронь
Того, что тленно и мертво.
Дай песне трепет и огонь,
И сердце века твоего.

Сын и поэт своего времени, Зарьян дерзал, спорил, полемизировал, высказывал в пылу полемики мысли спорные... В конце жизни, оценивая сделанное, Наири Зарьян скажет о себе:

СЕРОЕ здание детского приюта, наголо остриженные головы детей. Пытливо и сосредоточенно смотрит юноша по имени Айастан Егназарьян. На лице у него страдание и недоумение беженца, босоногого подростка, сходящего с одной версту по дорогам скитаний. А в глазах, словно сжигаемых внутренней болью, — отблески стогов пшеницы и образ убитой сестренки — следы недавней разлуки с родным очагом. Двери приюта закрылись за спиной уже двадцатилетнего юноши, и он по велению сердца сражается в Сардарпатской битве, олицетворяющей надежду возрождения. С пламенным сердцем и новорожденными строкми надежды на устах он устремляется навстречу XI Красной Армии, чтобы впоследствии стать участником великих событий и очевидцем того, как узкая тропинка родного села Харагонис навеки скрепляется с магистральной линией новой истории соотечественников, как его поэтическая судьба срастается с жизнью страны и народа, чтобы стать великим и восторженным певцом их героических свершений — стать Наири Зарьяном.

Молодая республика, как бурлящий кратер нового и старого, переходящего и вечного, переживала времена сложные, противоречивые, но и насыщенные расцветом на руинах прошлого энтузиазмом, беззаветной преданностью новому и, конечно, неизбежными крайностями.

Жизнь и деятельность Наири Зарьяна — летопись той бурной, трудной поры, кардиограмма ее взлетов и падений. У мужественной и жизнелюбивой натуры, у самозабвенно увлекающегося, очарованного светлыми мечтами и борющегося за их осуществление поэта наиболее выразительной краской творческой палитры является жизнеутверждающая философия, неподдельный восторг новой судьбой своего народа, его созидательным настоящим и грядущим. Зачастую из-за воздействия этой доминирующей тональности остаются незамеченными окрашенные в полутону чувств скорби и печали, порой поэт и сам не дает прорваться в стих пережитым горю и горечью. «Твой свет мне важнее, чем вся моя мгла», — говорит поэт, обращаясь к

любимому Есенину. Это не просто красивая фраза, а суть Н. Зарьяна, его жизненное и творческое кредо. В таком же духе написаны его прозаические и поэтические шедевры: «Вечные вершины», «Голос Родины», «Сказ о бытии», наконец, бессмертная героико-историческая трагедия «Ара Прекрасный», одна из вершин многовековой армянской литературы, пронизанная и общечеловеческим звучанием. Не случайно Мария Петровых с любовью и упоением переводила «Ара Прекрасного», о котором высоко отзывался Б. Пастернак. Вот отрывок, в котором жена Ара Нуард в своих молитвах просит богиню Анаит вернуть ей любовь Ара:

Владычица! Праматери!
Анаит!
Ты, без которой в мире все мертво,
Ты видишь, как душа моя горит!
Ведь мой огонь от твоего огня.
Мне мужем стал двойник Вагна твоего,
Избранницей небес ты сделала меня.
Зачем же ныне отнимаешь ты дары своей безмерной доброты!
Нас на вершину счастья для того ль возводят боги, чтобы в тот же час

СОКРОВЕННОЕ СЛОВО

Многое я написал с полной отдачей сил
И многие замыслы не воплотил.
Страждет моя душа — на исходе время земное, —
Жалеть ли о том, что написать не успел,
Или о том, что написано мною!

Конечно, об уже написанном, как говорят жалеть не приходится, а многим из того, что было написано, поэт был вправе гордиться. Все это так. Прелесть процитированных стихов в другом — здесь передано извечное и благородное сомнение человека: так ли он жил и сделал ли в жизни то, на что был способен?

Стихи Зарьяна последних лет прекрасны и сокровенны. Мне близок поздний Зарьян. В последние годы жизни и под влиянием критики (критика была к нему особенно пристрастна, порой резка), и под влиянием собственных философских размышлений Наири Зарьян написал цикл стихотворений, прекрасных своим драматизмом, острой переживаемостью, «Псалом прощания», последнее стихотворение Зарьяна.

Поздний Зарьян так чужден и так близок человеку.

В МЕМУАРНОЙ книге «Люди, годы, жизнь» Илья Эренбург, рассказывая о своих встречах с армянскими писателями, в частности, писал: «Наири Зарьян пережил в отрочестве страшную резню армян — он родился в Западной Армении. Такие вещи делают человека мудрым». Я бы добавил — и чувствительным. Может быть, «такие вещи» и сделали его поэтом, поскольку, как сказал Гейне, трещина, расколовшая мир, прошла через сердце поэта. Пережив с народом его трагедию, Н. Зарьян еще долго не сможет обрести душевное равновесие, что отразится на формировании мировоззрения и творчестве молодого поэта.

С окончательной победой Советской власти в Армении жизни и творчество Наири Зарьяна вошли в новое русло. 20-е годы явились для него годами возмужания и вступления в активную литературно-общественную жизнь молодой республики. Он стал одним из зачинателей армянской советской литературы. Его стихи, опубликованные в органе пролетарских писателей «Мурч» («Молот»), были замечены и одобрены А. Мясникяном, и Н. Зарьян гордился этим.

Наири Зарьяна отличала исключительная творческая активность. Он всегда находился на переднем крае армянской литературы. В начале 30-х годов Н. Зарьян, будучи уполномоченным ЦК Компартии Армении, побывал во многих деревнях республики, где шла коллективизация.

В личном архиве Н. Зарьяна хранятся блокноты тех лет. Перелистывая пожелтевшие страницы с записями, слушаешь его произведений о колхозной деревне. Из этих записей и наблюдений родились поэма «Рушанская скала» (1930) и роман «Адаван» (1937), ставшие классикой армянской советской литературы.

Характеризуя советскую поэзию 30-х годов, А. Сурков указывал на трудности «совмещения принципов эстетических с моментами политической целесообразности». Эта проблема, разумеется, стояла и перед Зарьяном, который понимал, творением, открывающим и м сборник стихов Н. Зарьяна «Бранный клич» (1941), начинается его «души откровенный дневник», завершающийся стихотворением «9 мая 1945 года». А в промежутке между ними (между «грозой» и «радугой») десятки стихов, поэмы, драматическим творчеством.

В дни войны был замечен повышенный интерес писателей к исторической теме, что было вызвано обостренным чувством патриотизма, гордостью советских людей делами своих предков, стремлением лучше понять исторические, социальные и нравственные истоки подвига советского народа в войне. В 1944 году Н. Зарьян создает трагедию «Ара Прекрасный» — выдающееся произведение армянской драматической поэзии. Автор трагедии над ней увлеченно с большим творческим подъемом, вдохновляемый патристическим порывом, о чем сви-

детельствует неопубликованное письмо Ав. Исаакяна к Н. Зарьяну от 23 сентября 1943 года. «Дорогой Наири! — писал Варпет. — Хорошо делаешь, очень хорошо, что пишешь об Ара Прекрасном... У тебя должно хорошо получиться, поскольку ты говоришь об этом с воодушевлением — значит, живешь этим».

В послесловии к трагедии «Ара Прекрасный» (1947) для автора, возобновившего прерванное произведение спустя десять лет, задача осложнилась тем, что вступал в силу неумолимый закон дистанции времени. Те же исторические события открывались перед писателем с новой точки зрения, обретая перспективу и объемность. Дистанция времени с особой остротой ставила задачу полноты историзма, правды действительности, постижения пути и закономерности развития деревни от прошлого до наших дней. И с этой задачей Н. Зарьян справился успешно.

Тема деревни, ее заботы и проблемы занимали Н. Зарьяна и как драматурга. Его комедия «Приусадебный участок» (1947), «У родника» (1949), «Опытное поле» (1953) и другие часто ставились в театрах республики.

Ярким поэтическим документом времени явился цикл стихов Н. Зарьяна «На вахте мира» (1950—1959), в котором Советский Союз предстает как оплот мира на всей планете. Этот цикл по праву можно поставить в ряд с известными

сборниками А. Суркова «Мир — мир», Н. Тихонова «Два потока», К. Симонова «Друзья и враги». Со дня основания Советского комитета защиты мира Н. Зарьян был его членом и до конца жизни бесменно возглавлял Армянский комитет защиты мира. Он неоднократно был делегатом всемирных конгрессов и на свою активную работу был награжден Советским комитетом защиты мира золотой медалью «Борец за мир». Он побывал во многих странах мира. Впечатления от этих путешествий отразились в его стихах, очерках и статьях. Ему принадлежат и книги: «Там црела вишня...» (1961) — лирически взволнованный дневник поэта о поездке в Японию в составе группы советских писателей, куда входили В. Иванов и Ольга Гончар. Н. Зарьян настолько увлекся японской поэзией, что выпустил две книги: переводов из народной, средневековой, новой и современной японской поэзии «Танка и хокку», «Японский букет». Но он совершил еще одно поэтическое чудо, создав большой цикл оригинальных танка и хокку — философских миниатюр, вошедших в последний сборник поэта «Жду тебя» (1968). За этот сборник вместе с повестью «Давид Сасунский» (1966) Н. Зарьян был удостоен в 1972 году Государственной премии Армянской ССР (посмертно).

В одной из своих статей А. Блок писал, что подлинное произведение искусства обживает в следующем поколении. Лучшие произведения Наири Зарьяна, выдержавшие испытание временем, отзвучат в сердцах не одного поколения.

Сергей ДАРОНЯН.

мудрость поэта

Мудрость поэта

что лирика, как чуткий орган времени, требовала предельной отдачи искренних чувств, иначе она не тронет сердца читателей. Романтическая возторженность и воодушевление, составляющие сильные стороны гражданской лирики Н. Зарьяна, становились, однако, источником и ее слабости — риторики. Позже, оглядываясь в прошлое, он скажет: «Я не пишу себя счастливой мыслью, что мне всегда удавалось добывать один грамм радия из тонны поэтической руды...».

Но он был настоящим поэтом и оставил немало поэтических шедевров — «Гул», «Возрождение», «Ереван». В них кроются энергия, темперамент, накал чувств, вызванные активным вторжением поэта в жизнь, острым восприятием современности.

Новым поэтическим взлетом отмечены произведения Наири Зарьяна военных лет, эпитафией к которым могли бы стать слова Лорки: «Я держу огонь в руках... Я работаю огнем». Уже в Москве, услышав вест о войне, Н. Зарьян в тот же день пишет короткое стихотворение «Ты дорога нам, земля родная...», прозвучавшее как присяга поэта-воина, идущего в бой. Этим стихотворением, открывающим и м сборник стихов Н. Зарьяна «Бранный клич» (1941), начинается его «души откровенный дневник», завершающийся стихотворением «9 мая 1945 года». А в промежутке между ними (между «грозой» и «радугой») десятки стихов, поэмы, драматическим творчеством.

В дни войны был замечен повышенный интерес писателей к исторической теме, что было вызвано обостренным чувством патриотизма, гордостью советских людей делами своих предков, стремлением лучше понять исторические, социальные и нравственные истоки подвига советского народа в войне. В 1944 году Н. Зарьян создает трагедию «Ара Прекрасный» — выдающееся произведение армянской драматической поэзии. Автор трагедии над ней увлеченно с большим творческим подъемом, вдохновляемый патристическим порывом, о чем сви-

детельствует неопубликованное письмо Ав. Исаакяна к Н. Зарьяну от 23 сентября 1943 года. «Дорогой Наири! — писал Варпет. — Хорошо делаешь, очень хорошо, что пишешь об Ара Прекрасном... У тебя должно хорошо получиться, поскольку ты говоришь об этом с воодушевлением — значит, живешь этим».

В послесловии к трагедии «Ара Прекрасный» (1947) для автора, возобновившего прерванное произведение спустя десять лет, задача осложнилась тем, что вступал в силу неумолимый закон дистанции времени. Те же исторические события открывались перед писателем с новой точки зрения, обретая перспективу и объемность. Дистанция времени с особой остротой ставила задачу полноты историзма, правды действительности, постижения пути и закономерности развития деревни от прошлого до наших дней. И с этой задачей Н. Зарьян справился успешно.

Тема деревни, ее заботы и проблемы занимали Н. Зарьяна и как драматурга. Его комедия «Приусадебный участок» (1947), «У родника» (1949), «Опытное поле» (1953) и другие часто ставились в театрах республики.

Ярким поэтическим документом времени явился цикл стихов Н. Зарьяна «На вахте мира» (1950—1959), в котором Советский Союз предстает как оплот мира на всей планете. Этот цикл по праву можно поставить в ряд с известными

сборниками А. Суркова «Мир — мир», Н. Тихонова «Два потока», К. Симонова «Друзья и враги». Со дня основания Советского комитета защиты мира Н. Зарьян был его членом и до конца жизни бесменно возглавлял Армянский комитет защиты мира. Он неоднократно был делегатом всемирных конгрессов и на свою активную работу был награжден Советским комитетом защиты мира золотой медалью «Борец за мир». Он побывал во многих странах мира. Впечатления от этих путешествий отразились в его стихах, очерках и статьях. Ему принадлежат и книги: «Там црела вишня...» (1961) — лирически взволнованный дневник поэта о поездке в Японию в составе группы советских писателей, куда входили В. Иванов и Ольга Гончар. Н. Зарьян настолько увлекся японской поэзией, что выпустил две книги: переводов из народной, средневековой, новой и современной японской поэзии «Танка и хокку», «Японский букет». Но он совершил еще одно поэтическое чудо, создав большой цикл оригинальных танка и хокку — философских миниатюр, вошедших в последний сборник поэта «Жду тебя» (1968). За этот сборник вместе с повестью «Давид Сасунский» (1966) Н. Зарьян был удостоен в 1972 году Государственной премии Армянской ССР (посмертно).

В одной из своих статей А. Блок писал, что подлинное произведение искусства обживает в следующем поколении. Лучшие произведения Наири Зарьяна, выдержавшие испытание временем, отзвучат в сердцах не одного поколения.

Сергей ДАРОНЯН.

Незабываемые встречи

Он очень любил театр. А в театре любили его. Любили не только как поэта, драматурга, над пьесами которого мы работали, но и как человека, личность. Обладая обширными знаниями, умудренным жизненным опытом, он вольновольно рассказывал нам, артистам, об увиденном, пережитом.

Мне посчастливилось воплотить образы его замечательных пьес — «Ара Прекрасный», «Артавазд» и «Клеопатра», «Мель» и другие. Период, когда мы работали над трагедией «Ара Прекрасный», где я должна была сыграть роль Нуард, был для меня незабываемым. Потому что нет более благородного и возвышенного труда для актера, чем работа над образами, когда вместе с драматургом проходишь весь путь поисков и раздумий.

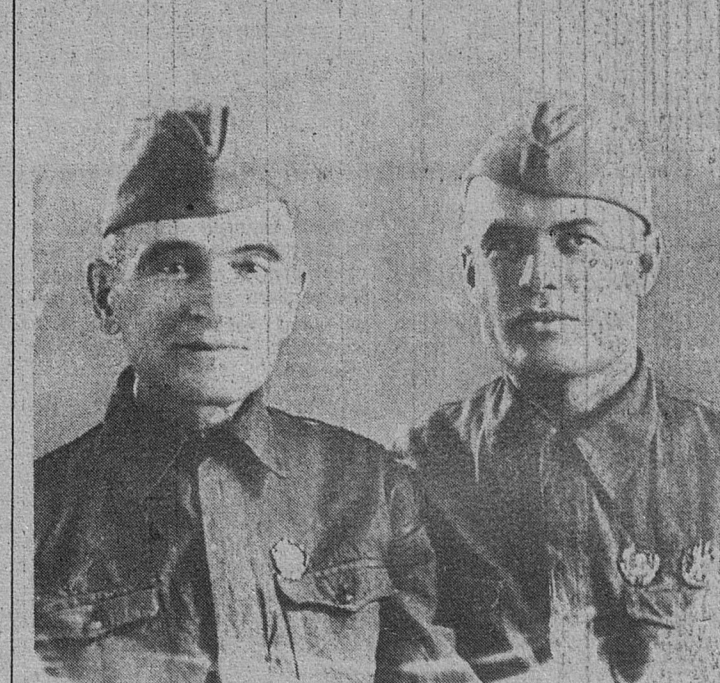
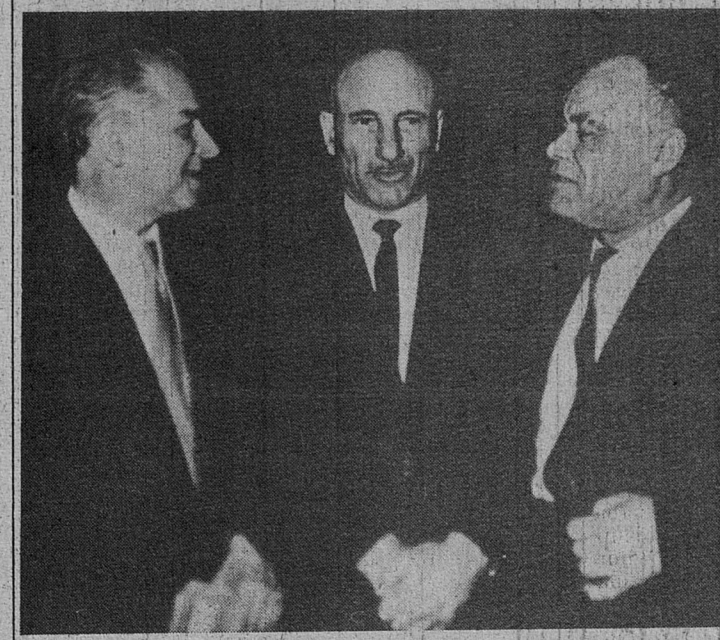
Впервые я встретилась с ним еще в школьные годы. Он был уже известным поэтом. Наири Зарьян пришел к нам в школу и читал свои произведения. В этот день я была безгранично счастлива.

Вторая встреча произошла позднее, во время войны, когда я выступала в театральном кружке Дворца пионеров. Играла пьесу «Мель». Я исполнила роль Ларисы. Нам сказали, что на спектакль придет автор. Мы все волновались. В это время пьеса шла также в Сундукновском театре. Там играли настоящие актеры. После спектакля на сцену поднялся Наири Зарьян, поздравил и поблагодарил нас, потом подошел ко мне, погладил по голове и сказал: «Молодец, играла ты как настоящая актриса. Ты станешь актрисой». Эти слова меня очень тронули, я запомнила их на всю жизнь, будто он благословил меня в большое искусство.

Потом мы встречались во время работы над спектаклем «Ара Прекрасный». Я хотела играть Шамирам, а В. Аджемия убеждал взять роль Нуард. Он сказал мне: «Подожди денек, я еще не распустил роль. Мы оба подумаем». На следующий день Аджемия вместе с Зарьяном убедили меня сыграть Нуард. Наири Зарьян заметил: «Сейчас у Аджемии другая трактовка роли. Он особенно акцентирует образ Нуард, ум, патристизм армянской церкви. Нас это больше всего интересует. Помню, какой-то штрих в моей игре ему не нравился. Он постоянно поправлял меня. После спектакля поэт горячо поздравил меня и сказал: «Я напишу другую пьесу, которая поможет тебе воплотить свою мечту о Шамирам». Это была драма «Артавазд» и «Клеопатра». По силе выразительности пьесы, конечно, уступала «Ара Прекрасному», но роль Клеопатры мне нравилась.

Сейчас, когда прошло много лет, я с благодарностью вспоминаю о тех памятных днях, а с благодарностью и признанием думаю о выдающемся поэте и гражданине.

Метаксия СИМОНЯН, народная артистка СССР.

Художник большого гражданского темперамента, Наири Зарьян уделял много времени и энергии общественно-политической работе, всегда находился в гуще жизни, в гуще событий. Будучи председателем правления Союза писателей Армении, председателем Армянского комитета защиты мира, он постоянно встречался с рабочими и колхозниками, деятелями литературы и искусства, студентами.

На снимках: (сверху вниз): Н. Зарьян, Моисес Аразян и Дереник Демирчян с группой молодых писателей; Павел Тычина, Сергей Герасимов и Наири Зарьян. Дереник Демирчян и Наири Зарьян [1941 г.].